

А. К. Гагиева

**Влияние модернизации на социальные процессы
на территории Коми края в XVIII — начале XIX веков**

УДК 93/94 + 316.422

Исследование влияния модернизационных процессов на жизнь конкретных людей и обществ является актуальным. Впервые в исторической литературе на примере изучения влияния модернизации на социальную структуру общества показаны механизмы появления пограничных зон, выявлены специфические черты развития Коми края в условиях аграрно-промыслового освоения.

Ключевые слова: волость, модернизация, индустриализация, «задатчивание», отход, аграрно-промысловое освоение.

Gagieva A. K. The impact of the modernization of social processes at the territories of the Komi Region in XVIII — at the beginning of XIX centuries

The research necessity of the impact of modernization processes on the life of indigenous people and society is very essential. It is the first time, when on the example of the observation of modernization influence on the social culture, the following items are shown: the mechanisms of creation of the border zones, peculiar features of the Komi region development in the context of agrarian and trade reclaiming.

Key words: volost, modernization, industrialization “zadatchivanie”, break-away, agrarian and trade reclaiming.

Изучение процессов модернизации в настоящее время является одной из актуальных задач. Это связано с тем, что в настоящее время историческая наука находится на описательной стадии, тогда как практически все науки перешли к аналитичности и прогностичности. Происходит отрицание крупных теоретических проблем, идет фрагментация исторического знания [5]. Исходя из этого, вопросы модернизации выходят на первый план.

Мы уже рассмотрели индустриализацию Европейского Севера России в условиях модернизации XVIII в. [2]. В результате исследования были сделаны следующие выводы. Для Коми края был характерен очаговый характер модернизации, который приводил к созданию анклавов, окруженных сохранявшейся традиционной аграрной периферией. В процессе модернизации широко применялись традиционные институты и социальные технологии — внеэкономическое принуждение для мобилизации трудовых ресурсов и феодальные привилегии для обеспечения экономической элиты производственными ресурсами [2]. Однако модернизация привела не только к изменению производственной инфраструктуры, но к изменению социальной структуры крестьянского общества.

Цель этой статьи — рассмотреть социальные отношения и влияние на них промышленной модернизации на примере крестьянских поземельных общин Европейского Севера. Для ее достижения мы использовали как опубликованные, так и неопубликованные источники [2].

С целью более конкретного исследования проблемы мы изучили явления и процессы, проходившие в Яренском и Устьсысольском уездах, входивших составной частью в Европейский Север России [4, с. 218–224].

Социальные отношения на изучаемой территории на протяжении веков имели свои особенности. Они выражались в отсутствии здесь крепостного права. Основную массу населения составляли государственные крестьяне, количество которых неуклонно росло. Если в конце XVIII века на территории края насчитывалось 51675 человек, то к 1835 г. — уже 83–84 тыс. чел. [4, с. 293–297]. Национальный состав переселенцев оставался однородным. В основном это были коми крестьяне. Русские составляли незначительный процент [4, с. 297–298].

Издавна население было объединено в крестьянские общины, а основным занятием населения оставалось сельское хозяйство. Охота и рыболовство являлись при этом вспомогательными. Впервые юридическое оформление крестьянского землепользования произошло в ходе Генерального Межевания 1784–1786 гг., когда крестьянам выделялось в надел 15 десятин на ревизскую душу [3]. На изучаемой территории, как показывают исторические источники, крестьяне Яренского и Устьсысольского уезда получили земли намного больше. В

ряде селений на душу приходилось до 60 десятин [3]. Это произошло потому, что сюда вошла земля, не только пригодная для хлебопашества, но и болота, лес и перелески. В результате, большинство земель оказалось непригодно для хлебопашества. При этом разработанные земли обычно находились в 25 верстах от селений, которые по Генеральному Межеванию должны были выкупаться у администрации за отдельную плату [3].

Земельные угодья были в индивидуальном, подворном пользовании. Право пользования переходило от одного поколения к другому по наследству, и крестьяне считали себя владельцами земли, причем передача по наследству никогда не оформлялась. Ссылаясь на давность владения, крестьяне свободно дарили, продавали, обменивали, сдавали в аренду свои земельные участки. Государство в конце XVIII века издало ряд указов о категорическом запрещении казенным крестьянам отчуждать наделную землю под каким бы то ни было видом. Однако никакого воздействия данные указы не имели, и население продолжало, вплоть до конца XIX века, считать наделную землю своей собственностью [4, с. 304–315]. Свободное распоряжение землей приводило к мобилизации земельных участков, расширению пахотного клина, социальным изменениям в деревне. Исторические источники в исследуемое время фиксируют в среде крестьянства следующие социальные группы: бобыли, «маломощные», «средние» и «маломощные». По данным Устьсысольского уездного суда, в 1786 г. «478 душ мужского пола и 226 душ женского пола крестьян, именующихся бобылями, потому что своих хлебопашенных земель не имеют» [4, с. 304–315]. В Корткеросской волости в это же время бобылей и маломощных было 20 %, в Подгородной — 12,3 % [3]. Они жили за счет различных заработков — трудились на промышленных предприятиях, нанимались на работу к более состоятельным землякам, уходили за пределы края и принимали участие в освоении территорий.

Для обеспечения удовлетворительных условий существования часть населения нанималась на работу в хозяйствах крестьян. Основанием служили крестьянские долговые обязательства. Обычно деньги за работу брались вперед. Так, в 1746 г. крестьянин Яренского уезда Подгородной волости Г. И. Апенишников занял у Н. Селиванова

24 рубля сроком на пять лет. Для этого Апенишников обязывался «ставить Селиванову половину сена», скошенного с его поля на Вычегде [8, д. 9, л. 3]. В 1775 году крестьянин Ибской волости А. М. Раков нанялся к крестьянину той же волости Г.М. Муравьеву за 10 руб. в год [8, д. 4, л. 185]. В том же году крестьянин Корткеросской волости Казаков работал у крестьянина Шежаской волости П. Чукичева из договора за оплату по алтыну в день [8]. В 1757 году крестьянин Усть-Немской волости Т. Напалков занял у крестьянина той же волости М. Габова 40 рублей. При этом обязался «за те деньги к нему, Габову в дом... отдать в черные работы детей своих Василия и Петра Тофимовых Напалковых от вышеписанного 1757 году. А на год им за работу засчитать 4 рубля денег» [8, д. 48, л.2].

Кроме работы у своих односельчан, коми население активно трудилось на промышленных предприятиях. Быстрый их рост остро выдвигал вопрос о рабочей силе. Первоначально работа на заводах производилась купленными в различных местах людьми, опытными в горном деле, а подсобные работы выполнялись местным населением. Так, побывавший в крае И. Лепехин в 1767 году отмечал «собственных людей у Походяшина (владелец Ньючимского завода. — А.Г.) на заводе сем нет, кроме нужных мастеровых, а подсобная заводская работа отправляется зырянскими руками». Таких насчитывалось 126 человек вместе с семьями, количество которых постоянно росло и составило к 1800 году 236 человек [4, с. 253–259].

Однако заводы не могли обойтись без привлечения к производству местного населения, которое использовалось для выполнения подсобных работ: добычи руды, жжения угля, рубки леса и т.д. Всего к 1799 году на трех железоделательных заводах ежегодно было занято более 6.000 человек. Отношения, которые складывались между заводладельцами и наемными людьми, получили название «задатчивание», а наемные крестьяне определялись в исторических источниках как «задаточные люди». Следует отметить, что в изучаемое время «задатчивание» было характерно практически для всех промышленных предприятий Коми края. Причем данная «процедура» активно поддерживалась не только заводскими, но и уездными администрациями. И это не случайно. Администрация была заинтересована в сборе подушных денег с населения и прилагала все усилия для свое-

временного сбора налогов. Аналогичную позицию занимали и крестьянские организации.

Заводские управляющие, объезжая волости, предлагали на «мирских» сходах деньги в счет уплаты налогов за несколько лет вперед с последующей отработкой этого долга на заводах. Например, крестьяне Гривенской волости, заняв в 1758 году всей волостью у заводчика Курочкина 300 рублей «для оплаты доимок», обязались работать 4 года по 30 человек на новостроящихся Нючпасском и Кажимском заводах каждый год по два месяца... В том же году крестьяне Ужгинской волости заняли у него же 900 рублей, обязавшись отработать их за 5 лет. Работая в год по 50 человек, каждый по 91 дню [7, дд.145, 188, 197 и др.].

Однако были случаи и самовольного ухода крестьян с работы, и неповиновение заводским властям, и отказ отработать взятые в долг деньги. Следует отметить, что по данному вопросу в исторической литературе существует следующее мнение. Авторы «Очерков по истории Коми АССР», рассматривая «задатчивание» на промышленных предприятиях края в XVIII веке, указывают, что «эксплуатация труда была чисто феодальной: налицо крепостные квалифицированные мастера и “задаточные” люди для подсобной работы. Ни те, ни другие не имели права добровольно покинуть заводы: одни в силу прикрепления к заводам, другие вследствие невозможности расплатиться с долгами» [6, с. 162].

Признавая определенную правоту данных высказываний, необходимо отметить следующее. В документах исследуемого периода случаи крестьянского неповиновения не носят массового характера. В большинстве своем крестьянские «миры», заключая договоры на отработку на заводах, отпускали «добровольно», «с всеобщего согласия» в ближний «отход» для работы на заводах односельчан. Причем процент ушедших на заводы на протяжении исследуемого времени постоянно рос, что подтверждается положительной динамикой ушедших на заработки в пределах края [3, с. 249–259]. Заводчики, заключая договор с крестьянскими «мирами», не только выплачивали аванс за работу на заводах, но и снабжали работников продуктами, что также подтверждается «мирскими приговорами».

Промышленные предприятия постоянно нуждались в дополнительной рабочей силе. Это было вызвано расширением производства, ростом правительственных заказов. Конторы заводов принимали на работу беглых крепостных крестьян из других уездов и местных крестьян, укрывавшихся от сбора подушной подати или рекрутской повинности, а также уголовные элементы, скрывавшиеся на заводах от преследований правительства. По донесению Яренской воеводской канцелярии в 1770 году «при рекрутских наборах, а особливо при нынешнем последнем, многие яренские посадские люди, годные и очередные к отдаче в рекруты, чинили укрывательства, из коих Иван Новоселов и Фёдор Афанасьев допросами показали, что они во все времена одного рекрутского набора укрывательство имели в Яренском уезде на железо действующем верхотурского купца Максима Походяшина Ньючимском заводе.... На котором укрывался и Федор Тарханов, кой, так же и Иван Горинов и поныне находится в держании на том же заводе» [9, кн. 1310, л. 360]. Местная администрация пыталась вернуть «беглецов», но для этого требовались специальные указания Сената и Берг коллегии. Предписывалось «впредь таковых безпашпортных беглых на заводах не держать» [9, кн.1356, д. 14. лл. 456–460]. На заводских приказчиков регулярно накладывались денежные штрафы за невыполнение этого распоряжения, но ситуация не менялась.

На изменение социальной структуры в условиях модернизации оказывал и уход крестьян на заработки как внутри края (ближний), так и за его пределы (дальний). И если ближний не мешал заниматься сельским хозяйством и продолжался от одного до трех месяцев, то дальний включал от одного до трех лет. К ближнему отходу относилась уже упоминаемая нами работа на железоделательных заводах, сплав леса и сопровождение грузов с солью, скотом и прочими товарами по северным рекам. К дальнему относился уход коми крестьян в сибирские города (Иркутск, Якутск, Нерчинск, Томск и другие), а также в центральную Россию — Казань, Таганрог, Вятку. К концу XVIII века наблюдается отход крестьян на металлургические заводы Среднего Урала и Приуралья (Косотуровский железный завод Лучининых, Омутнинский завод Осокиных, Полевицкий медеплавильный завод Турчанинова). Здесь крестьяне становились составной частью работных людей для уральской промышленности. Так, в 1780 году Ярен-

ская воеводская канцелярия в своем определении об отправке крестьян на заводы Осокиных следующим образом сформулировала необходимость подробной «операции»: «...чтобы не отнять от него (заводчика) охоты нанимать в здешнем уезде работников и давать ... задаточные деньги, которые вступают в платеж подушной подати, следовательно, в том зависит польза крестьянству, а паче казне» [7, д. 101].

Вместе с тем отход крестьян на изучаемой территории был ограничен паспортной системой. Паспорта выдавались на три года и то при условии, что за уходящим все налоги будет выплачивать «мир». Довольно часто ушедшие не возвращались. Одна часть «невозвращенцев» оседала в местах отхода, заводила семьи и вливалась в состав ремесленников. Другая часть, приходя на новое место, продолжала заниматься сельским хозяйством. И те и другие в местах нового места жительства сохраняли прежнее социальное положение.

Модернизация промышленности оказала влияние на подвижность населения и аграрно-промысловое в большинстве своем освоение новых территорий. Так, в конце XVIII века начинается активное освоение Ижмо-Печорской территории. Появляется целый ряд населенных пунктов, основанных как русскими, так и коми. Например, русскими были освоены берега р. Цильмы, а коми крестьянами — берега верхней и средней Печоры, верхней Ижмы и т.д. Существенные изменения происходили на верхней Вычегде, в Прилузье, где также шло активное освоение территории [4, с. 218–224]. Формировались группы русских и коми поселений, которые должны были для своего стабильного развития в ситуации «пограничья» продолжать осваивать территории и при этом сохранять свою самобытность. Это приводило к формированию различных хозяйственных, социальных, конфессиональных, этнокультурных ландшафтов, в основе которых лежала разновекторная диффузия традиционного и современного типов, которая была естественной в условиях освоения. Поселяясь на вновь «обремененных» землях, коми и русские крестьяне приносили собой не только сельскохозяйственные и промысловые навыки, но и организовывали свою жизнь исходя из традиций и обычаев, принятых на той территории, откуда они пришли.

Анализируя влияние модернизации на социальные процессы на территории Коми края в XVIII — начале XIX вв., стоит отметить

прежде всего наличие и сохранение здесь так называемого освоенческого синдрома. При этом наблюдалось складывание на изучаемой территории многоукладного комплекса хозяйственных связей, деформация традиционного общества, что выразилось в активизации расслоения населения и усилении товарно-денежных отношений. Следует учитывать и то, что влияние на структуру населения модернизационных процессов проходило крайне медленными темпами и затянулось до конца XIX века.

---

1. Балуева Д. Д. Земельные отношения и положение крестьян Коми края в XVIII веке : дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1960. Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН (НА КНЦ УрО РАН). Ф.1 оп.12, д.45.

2. Гагиева А. К. Индустриализация Европейского Севера России в условиях модернизации XVIII в. // Человек. Образование. Культура : научно-образовательный и методический журнал. 2014. № 2 (12). С.121–132.

3. Гагиева А. К. Община крестьян Коми края во второй половине XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1987. Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН (НА КНЦ УрО РАН). Ф. 5 оп.2, д.401.

4. История Коми с древнейших времен до конца XX века : в 2 т. Сыктывкар, 2004. Т. 1.

5. Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро и микропроцессов / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков и др.; Ин-т истории и археологии. Екатеринбург : Банк научной информации, 2011.

6. Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1955. Т. 1.

7. Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА) Ф.609. Оп.1.

8. РГАДА, Ф. 609. Оп. 3.

9. РГАДА, Берг коллегия.